

Выступление В. И. Ленина на первом Всероссийском съезде крестьянских депутатов в Петрограде 22 мая 1917 года.
С рисунка художника П. Васильева.

Фотохроника ТАСС.

«Важнейшее завоевание Октября» ТАМ, ГДЕ БЫЛ НАПИСАН ПРОЕКТ ДЕКРЕТА О ЗЕМЛЕ

Стол, за которым Владимир Ильич Ленин написал проект исторического Декрета о земле — одного из первых законов Советской власти, — и поныне стоит в той же квартире на Херсонской улице в городе на Неве. Сейчас здесь музей. Этот памятный ленинский адрес знаком миллионам людей.

А тогда, в бурные октябрьские дни 1917 года, лишь немногие знали о том, что Владимир Ильич и Надежда Константиновна отправились из Смольного на Херсонскую улицу в квартиру В. Д. Бонч-Бруевича. В городе было неспокойно, были приняты все меры предосторожности.

Раньше об отдыхе не могло быть и речи. Но вот был взят Зимний, буржуазное Временное правительство низложено. И В. И. Ленин согласился немного отдохнуть. Поздно ночью с 25 на 26 октября (с 7 на 8 ноября) выехали из Смольного на автомобиле.

По улицам патрулировали красновардейцы.

В. И. Ленин, Н. К. Крупская и В. Д. Бонч-Бруевич поднялись по черной лестнице на четвёртый этаж в квартиру. Для отдыха Владимира Ильича был отведен кабинет. С тех пор минуло 52 года, но обстановка в квартире осталась неизменной. В бывшем кабинете — небольшой комнате с одним окном — стоит кровать, тумбочка, на стене висит телефонный аппарат, под ним — столик. В кабинете — портрет Карла Маркса. У окна — стол, за которым в ту ночь, предназначенную для отдыха, работал Ильич.

Впрочем, обратимся к воспоминаниям В. Д. Бонч-Бруевича о тех памятных часах ленинской жизни.

«Когда все уснуло, в кабинете блеснул свет. Ильич бесшумно встал с кровати, тихо притворил дверь, сел за стол, разложил на нём бумаги.

...И он писал, перечеркивал, читал, делал выписки, опять писал и, наконец, видимо, стал переписывать начисто. Уж светало... когда, наконец, Владимир Ильич потушил огонь и лег в постель...» — так впоследствии описывал В. Д. Бонч-Бруевич события той ночи.

Так был написан проект Декрета о земле. А утром за чаем, как вспоминал Бонч-Бруевич, Владимир Ильич прочитал свои записки и сказал, что хорошо было бы опубликовать Декрет и широко распространить. Аграрную революцию В. И. Ленин называл важнейшим завоеванием Октября.

Декрет о земле... Он был опубликован в «Известиях» и многих других газетах. Пожелтевшие от времени экземпляры бережно хранятся в музее на Херсонской. Здесь также интересные свидетельства В. Д. Бонч-Бруевича о том, как Ильич заботился, чтобы этот важнейший документ дошел до самых широких крестьянских масс. В. И. Ленин предлагал в качестве распространителей использовать демобилизованных солдат. Пусть каждый солдат, уезжающий из Питера в деревню, положит текст Декрета в сумку да поглубже, под вещи, чтобы не утерять. А десяток других экземпляров пусть возьмет с собою для чтения и раздачи в вагоне.

...Комната, где Ленин написал Декрет о земле — важнейшем завоевании Октября — привлекает тысячи и тысячи людей со всего света.

Ленинград. В. ПЕТРУНЯ,
корр. ТАСС.

До шестидесяти годов о Толбачиках знали лишь понаслышке: богатые, нетронутые пастбища дремали в ожидании человека. Впрочем, люди там появлялись, но редко: были это вулканылоги, следившие за беспокойными сопками Шивелуч и Безымянный, да забредет иногда лю-

культбаза Толбачик. Появился и хозяин таежной квартиры: Яков Алексеевич Ичанга, заведующий культбазой. Работа несложная: встречать пастухов горячей банькой, выдавать продукты да содержать в порядке несложное хозяйство.

А летом начинается ход ры-

Ровесник Октября

битель-охотник с ружьем и с тощей котомкой в поисках зверя.

Зверя здесь целое царство. Огромные бурые медведи по весне вылезают из берлог и сонно бродят по глухим урочищам, промелькнет быстрый дикий олень, легко неся толстые, пальцами не обхватишь, рога, спасаясь от серых теней — волков, непуганых и бесстрашных, незнакомых с грохотом ружья; они чувствовали себя здесь хозяевами. А на вершинах крутых сопки, на стылом ветру стояли «на часах» круторогие бараны. Места богатые — лишь отчаянный бездельник пропадет с голоду.

И однажды на вершине сопки появились люди. Они стучали топорами, перекликались, и с каждым днем росли желтые стены дома. Вскоре появилась крыша, удивленно вытаращившись на косые гребни сопки окна. Так возникла

ПРАЗДНИЧНЫЙ УТРЕННИК

4 ноября воспитанники детского сада с Эссо собрались в РДК на утренник, посвященный 52-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Утренник открыла воспитатель подготовительной группы Н. К. Мясникова. Она сказала, что страна, которую родил Октябрь, является лучшей в мире. В ней всем живется счастливо и особенно детям, которые окружены большой заботой и вниманием Коммунистической партии и Советского правительства.

Дети дали большой концерт. В песнях, стихах малыши славили свою любимую Отчизну.

бы в мутной, грохочущей речке, где и не разглядишь — то с непривычки не только рыбину, но и корягу.

Этим летом медведи совершенно обнаглели и шныряли по ночам вокруг дома, топтались у крыльца к великому восторгу племянника, приехавшего погостить на лето: «Ой, — ей-ей, дедушка, опять кобан в гости приходил!» Дал ему свой дробовик, и мальчишка целыми днями бродил неподалеку, гремя прикладом по камням. Любопытным растет парнишка, до охоты падкий, хлебом не корми — дай поохотиться. Такой же, каким был в детстве Яков Алексеевич.

А детство было у него совсем не сладким, не таким, как у нынешних мальчишек. Пока жив был отец — был в юрте достаток. Были олени, хорошие ружья, патроны.

После смерти отца тяжесть забот легла на плечи братьев. Горь хлебнули, но выпрашивались. Выросли, возмужали. Такие же, как они, бедняки, сколотили первое коллективное хозяйство.

В конце тридцатых годов Яков Алексеевич стал председателем Кекунайского сельского Совета. Председательствовал

ЛЮДИ НАШЕГО СЕЛА

он недолго. Пришел и его черед идти в ряды Красной Армии. Время было тревожное. Война катилась по Европе. Бывший охотник стал артиллеристом. В начале сороковых годов он вернулся на Камчатку. Но недолгим был отдых солдата. Началась Отечественная и снова пришлось надеть серую шинель.

Перепаханные снарядами поля Белоруссии, раненные и убитые товарищи, огонь орудий батарей по немецким самолетам, мелькающих в прицеле — последнее, что запомнил наводчик зенитного орудия Яков Ичанга. А потом — тяжелый разрыв авиабомбы в нескольких метрах от бруствера. Оглушенных, израненных артиллеристов засыпало толстым слоем земли. И погибли бы все. Откопали солдат из могилы друзья. С тех пор стал плохо слышать Яков Алексеевич, тяжелая контузия согнула тело. Год пролежал он в госпиталях Москвы и Барнаула, а потом демобилизовался и долго добирался до родного села.

После войны Я. А. Ичанга работал в оленеводческой бригаде. Охотился. А теперь уже второй год — хозяин культбазы.

Он уже немолод. Ему столько же, сколько Октябрьской революции. Но итоги он подводить пока не собирается. Пусть незаметна его работа, но разве не приятно ему, когда домик на Толбачике становится приютом для пастухов, отмахавших на морозе и в пургу не один десяток километров, и их встречает он, хозяин этих мест, человек, у которого биография неотделима от истории района.

С. АЛЕКСЕЕВ.

В РДК В ПРАЗДНИЧНЫЕ ДНИ

7 ноября Художественный фильм «Орлята Чапая». Нач. в 13 час. Праздничный вечер откроется балом-концертом. Начало в 21 час.

8 ноября. Демонстрируются фильмы:

«Верность матери». Нач. в 12 час.

«Москва — товарищу Ленину» Нач. в 14 час.

Новый художественный фильм «День ангела».

Хроника — «Ты, Россия моя». Нач. в 17—19—21 час.

9 ноября. Вечер проводов призванников «Вы служите, мы вас подождём».

ДВА ДРУГА

ЭТА осень удивляла пастухов. Уже было начало ноября, а в березняке, не говоря уж о долинах рек, снега не было. Он лежал лишь там, где паслись олени, и совсем белый — белый на крутобоких склонах семиглавого Алнея.

Вот теперь пришла разгадка, почему до сих пор куропатка была пестрой, заяц — серым. Но больше всех тогда их удивил медведь. Сначала один, а потом таких встречалось много.

Так вот об этом первом. Он перевалил со стороны верховья реки Тигиль. Наблюдая за ним в бинокль, бригадир Клеон Евгеньевич спросил обычно молчаливо сидевшего рядом пастуха Етто:

— Ара, тебя не удивляет, что этому медведю нужно в скалах? Там же только бараны могут пастись... — Удивляет...

— Что ему, березняка мало? — Айдитта (правда) — Снегу там нет, земля хорошо видна, копей и ложись...

— И верно.. А тут он без костей останется, вон какие камни выворачивает.

Разговор шел ранним утром, когда медведь еще трудился над берлогой. Беседа текла неторопливо.

— Скоро Новый год, а снегом даже и не пахнет (пастухи вообще склонны к гиперболе, и Клеон Евгеньевич один из таких). Етто улыбается на это.

— И действительно...

Один разговорчив, другой молчалив.

Клеон Евгеньевич иногда шутило сердится на товарища;

— Ара, ты хоть спрашивай ме-

ОЧЕРК

ТАБУН ИДЕТ ПО МАРШРУТУ

ня о чем-нибудь. Я же не радио, чтобы говорить так просто, не зная, слушают меня или нет.

У Етто на этот счет свое мнение. Товарищам он говорил:

— Когда человек дело говорит, зачем ему поперек горла вставать. Пусть говорит, пусть даже ругается, если, конечно, он старше меня. А Клеона Евгеньевича я всегда с удовольствием слушаю, потому что в оленеводстве он опытный. Мне бы столько знать. Бригадир же о Етто отзывался так:

— Говорили, что Етто непослушный, никого не признает. Вот кто быстро познает пастушескую на-

уку. Да и терпелив. Лишь бы здоровье не подвело... (Друг другу они, конечно, об этом не говори-

ужились». И верно. Грубоватая горячность Клеона Евгеньевича разбивалась о невозможность Етто.

Но уж и не таким молчуном был Етто. Умел он, как сам говорил, ответить «ударом на удар». И уж если спорил, так спорил, хотя бы с тем же Клеоном Евгеньевичем. Это у них бывает, но редко.

— Для настроения, — шутит бригадир.

К. ЧЕВЬЕ.

Редактор
И. А. ВЕЛИКОВСКИЙ.

НАШ АДРЕС: с. Эссо, Бестринского района, Камчатской области. ТЕЛЕФОН — 48.

Литературная страница

Сквозь огонь Великой войны

В СТРЕЧА с Яковом Алексеевичем Ичангой состоялась летом 1975 года в местечке Сануч, расположенном на берегу реки Ича. Яков Алексеевич не торопится переселяться в районный центр, куда в основном переехали остальные коренные жители Сануча. Он постоянно живет с женой в тайге. Ему по душе эта размеренная неторопливая жизнь в родных местах, быт без всяких там коммунальных удобств, с минимумом только необходимого для жизни. Правда, есть на Сануче транзисторные радиоприемники, радиостанция «Гроза», связывающие с жизнью района, области, страны и мира. Случается, что прилетают на Сануч вертолеты, но жизнь в тайге, понятно, куда спокойнее, чем в райцентре.

Родился Яков Алексеевич поблизости от Сануча в селе Тваян в 1918 году. С детства попутно учебе в школе работал пастухом в колхозе имени Сталина. В 1935 году был направлен на учебу в совпартшколу в Петропавловск-Камчатский. Окончил ее в июне 1938 года. Немного (до 1939 года) работал заведующим клубом в Эссо. Потом — секретарем сельсовета в селе Кекук. Здесь в 1940 году был призван в ряды Красной Армии. Отсюда берет начало главное в жизни Якова Алексеевича.

Об этих незабываемых годах он рассказывает с неторопливой размеренностью. Коренастый, плотный, крепкий — не подумаешь, что ему под шестьдесят и он уже пенсионер. Яков Алексеевич говорит о том, что довелось пережить ему, заряжающему 1317 зенитно-артиллерийского полка, как о чем-то будничном, малозначительном, хотя попал на фронт в разгар битвы на Орловско-Курской дуге — великого перелома в ходе войны, в августе 1943 года участвовал в освобождении Орла.

— Наш полк, — рассказывал Яков Алексеевич, — обычно находился за передовой, но в непосредственной близости, так что неред-

ко попадал под огонь. Обычно как обедать, так обстрел. Боялись ли? Сказать честно, некоторые боялись, не выдерживали, прятались в щели, бросив обед. По-человечески все боялись, но большинство этого не показывало. Чем опаснее было, тем менее это чувствовалось, а часто и вовсе забывалось. Однажды между Мозырем и Витебском хотели сократить дорогу и... подорвались на mine. Товарища убило, а меня контузило, повредило спину. Обидно, что солдаты гибли и без боя, за линией фронта. На войне всякое бывало... Но доводилось нам участвовать в серьезных боях, оказывать поддержку наступающим частям, не зря проливать кровь.

Находились мы в апреле 1944 года на резервной позиции под Рогачевом, название деревушки не помню. Видно, не зря находились. Да и не одни мы, артиллерийско-зенитный полк. Вели заградительный артогон. Фашисты нас бомбили. Однажды пикирующие бомбардировщики — «юнкеры» — налетели тучей. И — завели над нами чертов хоровод. Завязался продолжительный бой. Кругом грохот, дым,

визг бомб, свист осколков. Работаешь, забыв обо всем, кроме команд. Кроме того дело открывающегося канала ствола, куда подаю снаряд за снарядом, ничего не вижу, но все же успел заметить: каждый «юнкер» сбрасывает по три бомбы — не больше и не меньше. Мы ожесточились — были потери. Отстреливались и сбивали фашистские самолеты (потом я узнал, что в тот день из 47 налетевших на нас немецких самолетов было сбито 37). И вдруг команда: «Все — в блиндаж!». Машинально повиновался. Только успел заскочить — взрыв, прямое попадание. Меня отбросило.

Месяц лежал в медсанбате, ничего не слышал. Увезли в Москву, где лежал до конца августа 1944 года. Там мне сказали: «Поедешь домой, отдохнешь, вернешься — ведь война еще не кончена».

Но воевать больше не пришлось.

В Петропавловск приехал в октябре, на пароходе добрался до Усть-Камчатска — самолеты до Эссо тогда не летали. Последним катером добрался до Крапивной. В Крапивной встретил Алек-

Г. ПОРOTOв.

Любуюсь в восторге
На диво природы:
На горных отрогах —
Безумство восхода!
В нарядном уборе,
В торжественной гамме
Красуются горы
Под облаками:
Вулкан между ними,
Седой, величавый,
И пепельным дымом
Вершину курчавит.
Под солнечным звоном,
Под пламенным сводом
В единой гармонии —
Я и природа.

Н. ВАСИЛЬЕВ.

Белеют сопки грядки,
Синеет рек спираль.
Центральная Камчатка,
Освоенная даль.

Косая тень ложится
На прыгающий лед.
Среди снегов садится
Зеленый вертолет.

Вл. МАЛЮКОВИЧ

П Е С Н Я

Я в расшитой кухлянке
Лишь плечом поведу,
И тебя спозаранку
За собой уведу.

Этот путь будет длинным
Его с песней пройди
Сквозь серебряный иней,
Сквозь лёгкие дожди.

На тропинке-дикой
Я тебе все прощу
Алой спелой брусничкой
Я тебя угощу.

Почаюем на круче,
Там, где воды бегут,
Нас с тобой разлучит
Дальний твой институт.

Погрустим хоть немного
У безвестной реки,
Вздым древней дорожки,
Где живут старинки.

Что грущу — я не скрою,
Снегом свет замела.
Возвращайся в родное
Дорогое село!

г. Петропавловск-Камчатский

Следующий номер нашей газеты выйдет 7 января 1976 г.

Редактор М. А. СОБИНОВ

Ю М О Р Е С К А

З ДРАВСТВУЙТЕ, папочка и мамочка!

Пишет вам из города Н. дочь ваша. Вы, наверное, думаете, что у меня все хорошо идет, и я слушаю лекции со спокойным сердцем. Ведь прислали вы мне вчера 25 рублей и беспокоиться теперь нечего.

Ан, нет, не тут-то было! Получила я вчера перевод и тут же на почте отдала трояк в долг. На общие тетради я брала у Сашки с нашего этажа. Он за мной по пятам ходил, говорит: «Одай денюгу, мне есть охота!».

Осталось у меня в кармане 20 рублей 50 копеек. Ну, думаю, надо сходить в столовую. Ведь мне тоже есть хочется. А столовая у нас в два этажа: на первом — студенческое кафе, на втором — диетический зал. Прихожу в диетический зал — закрыто. Пришлось занять очередь в студенческом кафе.

А очередь сюда длинная, человек двести, я стала двести первая. А в очереди все наши томятся, студенты. И все откуда-то знают, что мне деньги пришли. И каждый руку тянет. «Займи, говорят, а то, мол, с голоду умираем». Жалко их мне стало. Ну и даю: кому 80

ПИСЬМО СТУДЕНТКИ РОДИТЕЛЯМ,

или ПЛАЧ НАШИХ ДЕТЕЙ

Т. БАЖЕНОВА

копеек, кому рубль, кому два

рубля — этот с женой прищел.

Не успела я и очередь отстоять, как прибегает наша староста Ирка Шевелева и кричит на всю очередь: «Есть они, поднимаем ли, захотели! А объявление уже вторую неделю висит. Собрание мне хотите сорвать? Ну уж нет! А ну-ка пошли в аудиторию!» Пришлось идти. А есть все равно хочется. Тут ко мне физорг, профорг, комсорг подбегают: «Где ты пропадешь, спрашивают, взносы платить думаешь?» Одала я физоргу 30 копеек, профоргу Гришкину целых 95 копеек, а Светке Скворчихе, комсоргу, заплатила 1 рубль 50 копеек. Она сказала, что сидит с меня еще за прошлый месяц.

И вот сижу я на собрании и думаю: «Сколько у меня осталось, интересно, денег? Дай-ка подсчитаю». Ну на столе как-то неудобно. Залезла под стол и считаю. Смотрю: осталось у меня 14 рублей 50 копеек. Или 46 — не знаю. Темно под столом, не очень-то разглядывать. Из-под стола когда выглянула,

смотрю: уже собрание давно идет и выступает наш комсомольский секретарь Оленька Коваль. И вы, знаете, папочка и мамочка, что он сказал? «Я, говорю, желаю, чтобы комсомольцы у нас грамотными были, подкованными были, а не только иностранные языки по программе изучали. Поэтому постановляю: каждому студенту нашего факультета выписать следующие журналы:

«Авиация и космонавтика», Цена одного номера 40 коп.

«Ботанический журнал», 1 руб. 50 коп.

«Ветеринария», 30 коп.

«Гигиена и санитария», 40 коп.

«Деньги и кредит», 40 коп.

«Животноводство», 30 коп.

«Земля и Вселенная», 40 коп.

«Искусство кино», 1 руб.

«Картофель и овощи», 20 коп.

«Лесное хозяйство», 30 коп.

«Модели сезона», 1 руб. 20 коп.

«Новые товары», 30 коп.

«Охрана труда и социальное страхование», 30 коп.

«Пчеловодство», 30 коп.

«Рыбное хозяйство», 50 коп.

«Свиноводство», 20 коп.

«Театр», 1 руб.

«Уголь», 60 коп.

«Фельдшер и акушерка», 18 коп.

«Хлопководство», 25 коп.

«Цветоводство», 40 коп.

«Человек и закон», 25 коп.

«Швейная промышленность», 40 коп.

«Электрическая и тепловая тяга», 30 коп.

«Юный техник», 20 коп.

«Ядерная физика», 2 руб. 10 коп.

Итого, выписав эти издания на два месяца, я осталась должна 11 руб. 66 коп. Пришлось занять на обед у Сашки с нашего этажа 1 руб.

До свидания, мои милые родители!

Ваша дочь,

Постскриптум: мамочка, папочка, прищлите мне сколько-нибудь, чтобы с долгами расплатиться и на обед, чтобы до

Подпостскриптум: заняла еще стипендии дотянуть.

5 коп. — на конверт.

НАШ АДРЕС: с. Эссо, ул. Ленина, дом № 8.
684310

ТЕЛЕФОНЫ: редактор — 2-25, ответ-
секретарь — 3-56, бухгалтерия, общий отдел — 2-14, типография — 3-56.

Газета отпечатана в Быстринской типографии управления издательств, полиграфии и книжной торговли Камчатского облисполкома Село Эссо, ул. Ленина, № 12. Объем 0,5 п. л. Заказ № 1 — 2 экз. Выходит два раза в неделю: по средам и субботам.